

УДК 343.9

С.М. ИНШАКОВ,
*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации*

*ГОУ ВПО "Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации",
г. Москва*

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье рассматриваются методологические и гносеологические аспекты исследования проблематики, связанной с латентной преступностью.

Сегодня вряд ли кто-то будет отрицать, что далеко не все преступления регистрируются. Вряд ли найдутся люди, которые будут настаивать на том, что официальная статистика о преступности представляет для анализа криминальной ситуации в стране абсолютно точные цифры. В то же время монополия официальной статистики формирует стереотипы мышления. Суть их заключается в следующем: если, кроме официальной статистики, ничего нет, значит анализировать криминальные реалии надо на ее основе. Этот стереотип в сочетании с никем не оспариваемой аксиоматикой наличия криминальной латентности обуславливает определенный дуализм в размышлениях о преступности. В данном ракурсе интересный факт отметил в книге "Преступность XX века" В.В. Лунеев: "Генеральный прокурор РФ Ю. Скуратов признавал, что в России реально совершается примерно 10 млн преступлений (против зарегистрированных в 1996 г. 2,6 млн). Тем не менее при оценке "успехов" правоохранительных органов он исходил из формальных данных и с удовлетворением говорил о 70-процентной раскрываемости преступлений" [1].

Основой этого дуализма является отсутствие надежных методик, позволяющих получить достоверные данные о фактической преступности. Информация о криминальной латентности в абсолютном большинстве случаев воспринимается как всего лишь интересная гипотеза, а нередко

и как красивая фантазия, выдумки исследователей, основанные на весьма приблизительных прикидках. Действительно, абсолютно точными данными о латентной преступности ученые на сегодняшний день не располагают, однако определенная информация о латентности вполне заслуживает статуса достоверной.

При изучении объекта, параметры которого неопределенны, познаваемость которого подчас вызывает сомнения из-за отсутствия методик, позволяющих получить точные знания, особую значимость приобретает анализ методологических и гносеологических аспектов исследования. Конструирование системы способов получения нового знания, приемов анализа скрытой сущности, методов оценки и измерения параметров труднодостижимого явления возможно лишь на основе фундаментальных положений теории познания.

Гносеология – раздел философии, в котором изучаются проблемы природы познания и его возможностей, отношения знания к реальности, исследуются всеобщие предпосылки познания, выявляются условия его достоверности и истинности. Методологический и гносеологический анализы проблематики, связанной с латентной преступностью, охватывают как процесс познания, так и его результаты – научные знания о преступности.

Дело в том, что по мере развития науки мы все глубже проникаем в сферы, результаты по-

знания которых далеки от классических представлений о достоверном знании как о конкретном суждении, определенном и однозначном. В XIX-XX вв. образовались целые научные направления, для которых рамки классической науки оказались тесными и которые в процессе своего развития разрушили эти рамки. Возникли оригинальные научные концепции, которые с трудом воспринимаются на уровне обыденного сознания. Речь идет о пересечении параллельных прямых, о кривизне пространства, о замкнутой бесконечности, о множественности измерений и слоев бытия, о взаимном проникновении времени и пространства, о виртуальных частицах и антимирах. На повестку дня были поставлены вопросы познания таких объектов, которые объектами могли считаться лишь с определенной долей условности. В этих областях познания у здравого смысла "перегорали предохранители", и лишь немногие обладатели научной смелости решались перешагнуть границы этих исследовательских сфер.

Однако постепенно ученые стали чувствовать себя более или менее уверенно в зыбких областях познания. Нильс Бор сформулировал принцип дополнительности, на основе которого можно было исследовать явления лишь частично познаваемые (так называемые "стохастические объекты"). Это ему принадлежат слова о том, что если при размышлении над исследуемой проблемой у ученого не кружится голова, значит, он занимается несерьезным делом. Теория вероятностей открыла по существу новый вид познания. Стало возможным познавать нечеткое и неопределенное – размытое множество. Причем выяснилось, что вероятностное знание может иметь не меньшую практическую ценность, чем однозначные суждения. Сегодня мы все больше и больше убеждаемся в зыбкости этой однозначности. Наука сделала удивительное открытие: "Абсолютно полная и совершенно непротиворечивая формализация теории просто невозможна" [2]. В свете этих научных трансформаций становится более очевидным не только иррационализм абсолютного доверия к данным официальной статистики о зарегистрированной преступности, но и иррационализм

поиска абсолютной точности и однозначности. Именно поэтому вероятностные знания о фактической преступности (с весьма значительными погрешностями) оказываются более объективными и практически значимыми, нежели прикрытая "камуфляжем точности" информация о зарегистрированной преступности. В этом парадокс познания явлений, которые относятся к категории размытых множеств.

Важнейшей гносеологической проблемой, связанной с изучением латентной преступности, является моделирование научного идеала – того результата, который может считаться наилучшим достижением исследований в данной сфере. Корректно ли в качестве цели исследования избирать получение абсолютно точных и абсолютно достоверных знаний о фактической преступности? Возможно ли в принципе достижение такой цели, и будет ли оптимальным соотношение научной и практической ценности данного результата с величиной затрат, которые придется возложить на общество для обеспечения успеха? Для того чтобы найти решение данной проблемы, необходимо провести гносеологический анализ того, что является результатом процесса познания.

Результатом познавательной активности человека является знание – совокупность суждений о свойствах, закономерностях развития и параметрах изучаемого явления. Знание может быть полным и неполным. Практически всегда наши знания об объекте неполны. Этот компромисс (готовность удовлетвориться неполнотой наших знаний об объекте изучения) является одним из условий познания. Выделение в бесконечном количестве взаимосвязей и взаимозависимостей (и соответствующих им свойств явления) какой-то группы наиболее важных и практически значимых связей и свойств (и пренебрежение остальными, менее значимыми в ракурсе исследовательских задач) – вот в чем суть выделения из бесконечного и размытого объекта ограниченного и конкретного предмета исследования. И это всеобщий принцип познания, имеющий отношение не только к таким размытым множествам как преступность, но и к тем явлениям, которые на

первый взгляд кажутся достаточно несложными и доступными однозначному определению. Абсолютная точность и однозначность – атрибут обыденного сознания. Мы заходим в магазин, смотрим на ценник и становимся обладателями точного знания: 1 кг сахара стоит 20 руб. Это вполне однозначное суждение при углубленном анализе оказывается весьма далеким от абсолютной точности. Весы, на которых взвешивается сахар, делают значительную погрешность (± 1 г). Так сколько же сахара мы получаем на 20 руб.? Еще более сложным является экономический анализ параметров 20 руб. как эквивалента определенного количества золотого обеспечения денег. Инфляция, колебания на бирже делают весьма условной и относительной реальную ценность того, эквивалентом чего является денежная купюра. Не менее сложной будет попытка выяснить, какое количество труда материализуется в 20 руб. Сколько же мы платим реально за 1 кг сахара? Поистине прав был Ф. Энгельс, который с определенной долей иронии отмечал, что здравый смысл, едва выйдя за пределы четырех стен домашнего обихода, начинает выделять удивительные включения.

Сфера полного и точного знания достаточно ограничена. Но серьезных проблем в связи с этим у человечества не возникает. Дело в том, что потребности практики могут удовлетворять неполные и неточные знания. Самый простой пример – точность расчета числа π практически всегда ограничивают сотыми долями ($\pi = 3,14$). Сделать расчет до миллионных долей серьезного труда не представляет. Просто более высокая точность, как правило, не нужна. Отсюда вывод: важна не абсолютная точность, важно, чтобы неточность не превышала заданных (практически приемлемых) параметров погрешности. То же касается и полноты знаний. Важно не то, чтобы знания обладали всеобъемлющей (избыточной) полнотой. Главное – чтобы степень полноты наших познаний о явлении была удовлетворительной (позволяла решать практические задачи). Практические задачи бывают разного класса и разного уровня. Чем выше уровень задачи, тем выше должна быть степень

полноты необходимых для ее решения знаний. Соответственно дихотомия переходит из плоскости "полное и неполное знание" в плоскость "неполное-достаточное и неполное-недостаточное знание". А что касается точности, то здесь взамен альтернативы "точное и неточное знание" появляются варианты:

– неточное знание, соответствующее заданным параметрам погрешностей (удовлетворительное неточное знание);

– неточное знание, не соответствующее требуемому уровню погрешностей (знание, неудовлетворительное по величине погрешностей).

Вариантом удовлетворительного неточного знания может быть суждение с верхним или нижним порогом точности. Например, для корабля неважно, какова глубина морской акватории. Важно, чтобы она была не менее 7 м – это условие, чтобы не посадить корабль на мель. Для лоцмана и штурмана надводного корабля такое неточное знание приемлемо на 100% (более высокая точность им не нужна). А для подводной лодки такой уровень точности неприемлем. Сложность задачи определяет параметры точности.

Можно выделить знания с еще более низким уровнем точности:

– примерное;

– аналоговое (больше, чем что-то или меньше, чем что-то или почти такое же);

– порядковое (например, потери в бою составили порядка 100 человек или порядка 10 тысяч).

На практике бывает огромное число ситуаций, когда более точные знания не нужны. Попытка делать более точные расчеты иногда вызывает раздражение и негативную оценку – бывают ситуации, когда аналоговое или порядковое неточное знание можно получить быстро и иллюстративность его выше, чем у суждений, основанных на длительном анализе и сложных вычислениях.

Вариантом неточного знания является вероятностное знание – суждение, сделанное в соответствии с теорией вероятностей. Точность такого суждения может колебаться в определенных пределах (например, $10 \pm 2\%$). Это означает, что измеряемые параметры могут колебать-

ся в интервале от 8 до 12%. Усложнением исследовательской процедуры величину погрешности можно уменьшать. Если погрешность, измеряемая цифрой $\pm 2\%$, – это слишком много, то $\pm 0,2\%$ может оказаться приемлемой. Научная и практическая ценность вероятностного познания заключается, во-первых, в том, что на этом уровне становится возможным измерять параметры таких явлений, которые до появления теории вероятностей считались не поддающимися измерению. Во-вторых, сложность исследовательской процедуры может варьировать, и усложнение процедуры позволяет существенно повышать точность измерений, доводя ее до приемлемого уровня.

При изучении латентной преступности особенно остро ощущается потребность разобраться в природе познавательного инструментария, которым мы пользуемся как в процессе исследования, так и в ходе описания его результатов. Проблема номер один – истинными ли являются наши знания о латентной преступности, насколько достоверны результаты ее исследования? Поиски ответа на этот вопрос приводят нас к проблеме надежности исследовательских методик, а также к еще более глобальному вопросу о природе латентности криминала и о познаваемости латентной преступности.

Ф. Бэкон отмечал, что метод лишь тогда является верным, когда он верно отражает объек-

тивные законы мира, когда он определяется особенностями предмета исследования. В этом ракурсе особую значимость имеет анализ природы латентности, ее информационной сущности, механизмов "ускользания" информации о преступности от государственных органов, занимающихся ее регистрацией.

Простейшей схемой получения представителями государства информации о преступлениях еще со времен челобитных было обращение граждан с сообщением о преступлении (рис. 1).

Однако низкая пропускная способность этого информационного канала и его принципиальная неполноценность были подмечены очень давно. Причины тут две. Во-первых, далеко не обо всех преступлениях граждане могут сообщить, поскольку не обо всех преступлениях им известно. Во-вторых, о значительном числе преступлений граждане не считают нужным сообщать, либо боятся это сделать, либо не имеют такой возможности. Поэтому, в целях компенсации этих недостатков, у государства сформировалась специальная функция, нацеленная на выявление скрытых преступлений (контрольные и надзорные органы, оперативные службы правоохранительных органов). Соответственно, классической является двухканальная схема получения государством информации о преступности (рис. 2).

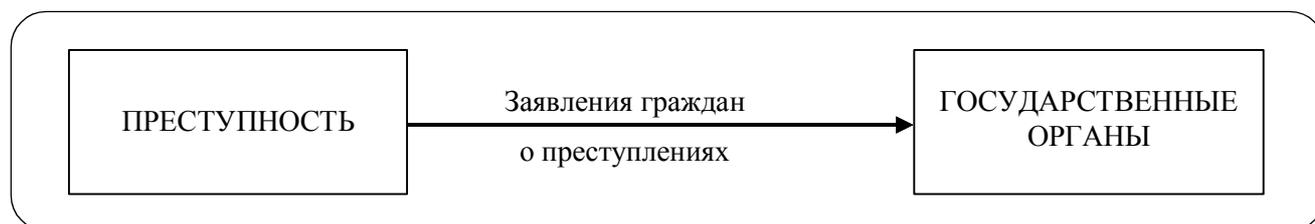

Рис. 1. Одноканальная схема получения государством информации о преступности

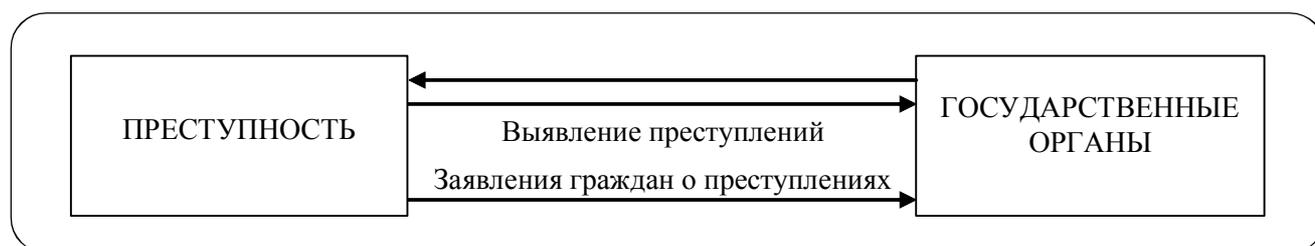

Рис. 2. Двухканальная схема получения государством информации о преступности

Латентность преступности – результат того, что и первый, и второй информационные каналы не сработали:

- не уловили информацию;
- где-то в канале имел место "обрыв", и информация в силу тех или иных препятствий не дошла до органов, регистрирующих преступления.

По мере совершенствования социальной системы формировались специальные органы и социальные подсистемы, которые увеличивали пропускную способность каналов, по которым государству поставляется информация о преступности. Механизм информирования увеличивался и усложнялся. На сегодняшний день в самом упрощенном виде система информационных каналов, по которым сведения о преступности поступают в государственные органы, может быть представлена следующим образом (рис. 3).

Эта схема в значительной мере иллюстрирует, где могут образовываться "информационные пробки" и "разрывы" информационных каналов, которые являются источником неполноты информации о преступности, представляемой в госорганы. На этой основе можно наметить основные направления поиска "потерянной" информации. Эта "потерянная" информация и содержит сведения о латентной преступности. Чем больше "потерянной" информации удастся собрать, тем полнее будут наши сведения о латентной и фактической преступности.

Принцип сбора этой "потерянной" информации несложен:

- во-первых, возможно побудить граждан сообщить о тех преступлениях, о которых они не захотели или не смогли сообщить в официальном порядке;
- во-вторых, по документам или иным источникам возможно выявить определенный массив невыявленных и незарегистрированных преступлений;
- в-третьих, по документам можно вскрыть факты необоснованных отказов от возбуждения предусмотренной законом процессуальной процедуры (либо незаконное ее прекращение);

– в-третьих, по документам можно вскрыть факты необоснованных отказов от возбуждения предусмотренной законом процессуальной процедуры (либо незаконное ее прекращение);

– в-четвертых, в отдельных случаях (при условии надежного обеспечения полной анонимности) граждане могут предоставлять исследователям информацию о совершенных ими преступлениях (оставшихся невыявленными и незарегистрированными), а также о фактах сокрытия преступлений от регистрации со стороны различных должностных лиц. Эти лица могут дать конкретную информацию о совершенных преступлениях либо выступить в качестве экспертов и оценить, насколько велика распространенность подобных фактов.

Важнейшей тенденцией в изучении латентной преступности является непрерывное совершенствование исследовательских методик в плане повышения их надежности. Получаемые в ходе таких исследований цифры латентной преступности становятся все более и более достоверными. В отдельных случаях имеется возможность верифицировать информацию о криминальной латентности, сопоставляя данные о ее состоянии, структуре и динамике, полученные из разных источников. Особую ценность имеет сопоставление данных о латентной преступности, полученных различными научными коллективами с использованием различных методов. Оценивая вектор научных исследований в данной сфере и темпы повышения надежности исследовательских методик, можно прогнозировать, что в перспективе 10–20 лет данные о латентной преступности по степени достоверности будут сопоставимы с данными официальной статистики.

Американский ученый Томас Кун в книге "Структура научных революций" показал скачкообразность развития научного знания. Он раскрыл следующую закономерность: научные знания о том или ином явлении, постепенно накапливаясь, однажды перехлестывают через "плотину традиционных представлений", и бурный поток новых идей и теорий сметает со своего пути все барьеры, связанные со старой научной парадигмой. Старая парадигма, основан-

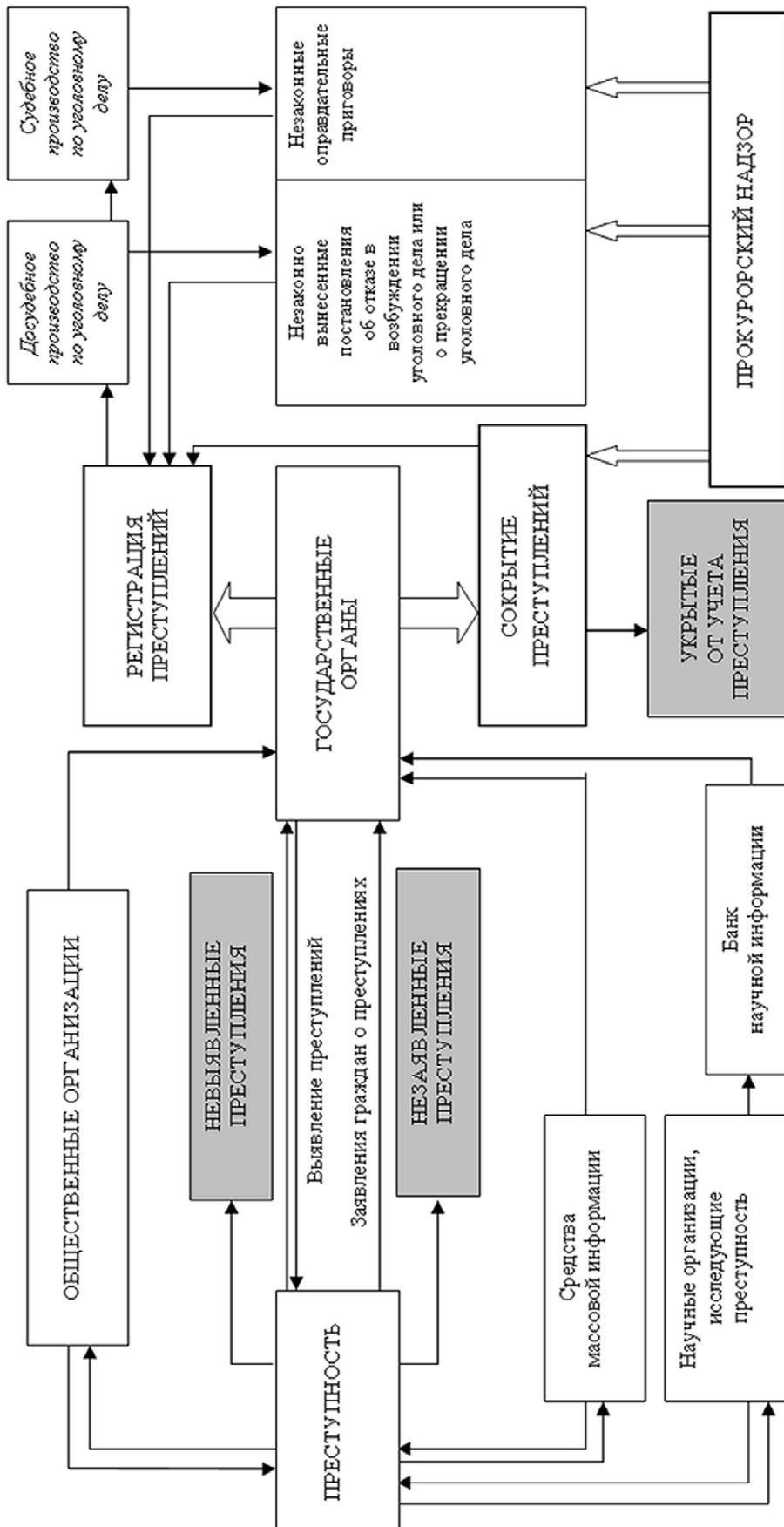

Рис. 3. Многоканальная схема получения государством информации о преступности

ная на устоявшихся знаниях и принципах, в достоверности которых никто не сомневается, на определенном этапе развития науки становится тормозом. Она мешает видеть новое, а в том случае, если его удастся увидеть, мешает воспринимать новое как реальность ("этого не может быть"). Новая научная парадигма вызывает у ученых страх – они боятся делать нестандартные интерпретации новых данных (в том случае, если они получены в ходе собственных исследований) – и отторжение, критическую нетерпимость (в том случае, если эти данные получены другими) [3].

Есть немало оснований полагать, что точные цифры фактической преступности перевернут наши представления об этом явлении и о характере социальных взаимодействий в криминальной сфере, о сущности и характере мер социального отрицания криминального феномена, о действенности закона и эффективности

деятельности правоохранительных органов. Не исключено, что это будет началом формирования новой криминологической парадигмы, новых подходов к гармонизации общественных отношений. В этом смысле данные о латентной преступности могут оказаться тем зеркалом, которое позволит обществу увидеть свое истинное лицо. Конечно, официальная статистика приучила нас к совсем другому изображению. Возможно, жизнь в королевстве кривых зеркал привычнее и внешне пристойнее. Но высшая ценность науки – истина.

Список литературы

1. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. – М., 2005. – С. 288.
2. Барашенков В.С. Существуют ли границы науки. – М., 1982. – С. 52.
3. Кун Т. Структура научных революций. – Благовещенск, 1998.

В редакцию материал поступил 24.11.09.

Ключевые слова: латентная преступность, информация о преступлениях, фактическая преступность, зарегистрированная преступность.
